

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВДОВИЙ ДОМ В XIX – НАЧАЛЕ XX веков

Раскрывается деятельность Санкт-Петербургского вдовьего дома за все время его существования. Прослежена эволюция управления этим учреждением со стороны Ведомства учреждений императрицы Марии. Особое внимание уделено вопросам финансирования, развитию института сердобольных, который превратился в ядро данного учреждения.

Ключевые слова:

благотворительность, государственное призрение, ведомство учреждений императрицы Марии, вдовьи дома, Крымская война, общины сестер милосердия, попечение о престарелых.

В конце XIX в. в Санкт-Петербурге существовало 76 заведений благотворительности и общественного призрения [30, с. 22–23]. Среди них значительное место принадлежало шести богадельням, входивших в состав Марининского ведомства. Всего в них призревалося 1664 человек, их капитал составлял 2 740 338 р., на одного человека приходилось по 176 р. 37 к. Помимо этого в градских богадельнях, принадлежавших ведомству Попечительного совета, оказывалась помощь 2400 лицам обоего пола, 1186 из которых жили на бесплатном содержании и 1214 платили по 72 р. в год за место [6, с. 75–77]. В начале XX в. некоторые из богаделен получали от государства крупные суммы. Так, например, на Вдовый дом приходилось 100 тыс. руб., на Волковскую богадельню – 78 тыс. руб. [31, с. 96]. Самыми старейшими учреждениями в деле попечения о престарелых были вдовьи дома в Санкт-Петербурге и Москве.

Санкт-Петербургский Вдовый дом был открыт 30 августа 1803 г. Первоначально, до декабря 1809 г. он помещался на Выборгской стороне, в 1-й части, у бывшего Воскресенского моста [4, с. 176, 183]. В октябре 1809 г. призреваемые были перемещены в келейные корпуса Смольного монастыря. В 1839 и 1850 гг. при доме были открыты лазареты для слабых и хронических больных [5, с. 1–9, 19–23, 50–68].

Первый набор в числе 30 вдов осуществлялся на основании постановлений «Правил, предлагаемых для Вдовьих домов» 31 января и «Проекта учреждения Вдовьих домов и казен» 1 февраля 1803 г. [26, л. 1, 7–22 об., 28 об.]. Призреваемые были разделены на вдов, поступающих в дом на жительство на бесплатные вакансии и получающих пенсию вне дома. Вдова, принятая в дом получала «кровать с постелью и принадлежащими ей вещами, белье и обувь, зимнее и летнее платье и сундук с замком». Право на бесплатное проживание имели

вдовы мужей от первого обер-офицерского до первого штаб-офицерского чина, т.е. от 8 класса по гражданской службе по Табели о рангах. Стоит отметить, что строго соблюдалось правило о службе мужей, незапятнанной различными судебными разбирательствами. Как отмечал священник Вдовьего дома С.К. Знаменский, этот пункт оставался неизменным во всех уставах данного учреждения и тщательно соблюдался. Так, в 1843 г. вдове чиновника 9 класса Александре Лазаревой было отказано в помещении ее на бесплатное жительство, т.к. ее муж, хотя и прослужил в офицерских чинах 23 года, но находился под следствием в Рижском гарнизоне [16, л. 4]. Условием также служило свидетельство о крайней бедности вдов, они не должны были получать ни от кого пенсии и наградений. Предпочтение при приеме отдавалось вдовам мужей, убитых в сражении. Но были и исключения. Например, в марте 1873 г. в дом была принята вдова поручика Елизавета Месяцева на основании того, что, хотя ее муж не прослужил положенного срока, но сын служил в Симбирском линейном батальоне и был убит при штурме города Ташкента [19, л. 101]. Вдовам, имеющим детей от 3 до 8 лет, было позволено держать их при себе, но не более двух. Указ 7 марта 1806 г. разрешал помещать дочерей штаб-офицерских вдов от 10 до 12 лет в училище ордена св. Екатерины, а обер-офицерских от 11 до 13 лет – в мешанские училища, дворянок от 8 до 9 лет – в Обществе благородных девиц. С 1806 по 1836 гг. в различные учебные заведения было принято 113 детей [13, л. 1–2 об.]. Мальчики определялись в военно-сиротский дом и кадетские корпуса. Пенсия вдов, живших вне дома составляла 100 руб. асс. или 28 руб. 57 к. сер. Выплата пенсии прекращалась в случае замужества или пострижения в монахины. Среди 40 поступивших в 1803 г. в Петербургский дом на жительство и получающих пенсию 16 были вдовами чиновников и 23 – военных. Среди

Прием на платное жительство в доме был не столь суров. По указу 17 ноября 1803 г. предписывалось принимать также таких, за которых благотворители согласны платить по 150 руб. в год (в этом случае чин мужа не принимался во внимание). Первым примером такого помещения была надворная советница Давыдова со своей дочерью. За каждую производилось по 150 руб. в год из собственных средств императрицы Марии Федоровны. По высочайшему повелению 19 августа 1809 г. было разрешено принимать на платное жительство в дом вдов и девиц, прослуживших двадцать лет и более в звании классных дам при учебно-воспитательных заведениях Ведомства [28, л. 16–17].

Всего с момента открытия в 1803 г. до издания первого устава дома в 1842 г. было принято 1805 человек (среди них 91 сердобольная). К 1 января 1843 г. состояло 241 вдов, живущих в доме, среди них: 119 на покое, 11 сердобольных и 13 испытуемых, 44 пенсионерки, 10 детей обоего пола. 262 получили пенсию вне дома, всего 503. Вот как выглядел социальный состав реципиенток согласно выборке среди принятых с 1807 по 1871 гг. на казенное [11, л. 1–7 об., 95 об.–139] и платное [12, л. 1–3, 12–13 об., 20–46 об.] содержание в Санкт-Петербургский вдовый дом и в Дом призрения бедных девиц благородного звания [10, л. 2 об., 18 об., 38–40 об.] (всего 1042). Вдов чиновников насчитывалось 720 (69%), военных – 235 (22,5%), служащих при лазаретах, больницах, бывших воспитательниц и надзирательниц заведений Ведомства было 87 (8,3%). 1 была дочерью купца, 2 принадлежали к купеческому сословию и 9 были дочерьми сердобольных вдов.

Данные о составе вдов представлены на основании принадлежности к чину их мужей и их профессиональной принадлежности к служительницам Ведомства. Однако, вероятно, сословный состав вдов по их рождению был более пестрым. Ведь по замечанию С.К. Знаменского, по образованию и воспитанию это был калейдоскоп «из всегда царапающихся между собой стекол». Тут были и домашние воспитанницы, и едва грамотные, и домашние учительницы, бывшие сестры милосердия, «из полек и немок, и католички, и лютеранки и православные». Стоит отметить, что данное обстоятельство было особенностью Санкт-Петербургского вдовьего дома, в который всегда была очередь, в отличие от дома в Москве. Как объясняет это обстоятельство исследователь, это было связано со спецификой жизни в Санкт-Петербурге «не по средствам», переполненностью чиновниками, тогда как в Москве чиновничий класс

был меньше и жизнь дешевле. Дополнительно из провинции приезжали ходатайствовать о помещении именно в Петербург, «где избытком провинциалок [...] заполняются столичные благотворительные заведения». По данным всеподданнейшего отчета за 1903 г. в доме состояло всего 576 человек (367 вдов и 209 девиц), из которых 465 были православными, 61 лютеранка и 49 католичек, 343 по роду занятий мужей и отцов принадлежали к чиновникам, 125 – к военным, 1 являлась дочерью священника и 2 – из купцов, 105 служили в заведениях Ведомства (классные дамы, учительницы, надзирательницы лазаретов и больниц) [1, с. 220–222]. Ситуация не изменилась и через десять лет: к 1913 г. в Петербурге из 531 вдов и девиц призревались 462 православных, 27 католичек и 42 лютеранки; в Москве – 152 православных, 4 католички и 2 лютеранки [2, с. 20–21, 76–77]. Таким образом, в Санкт-Петербургском вдовьем доме по роду занятий отцов и мужей преобладали вдовы и дочери чиновников, нежелая военных. По вероисповеданию значительно место после православных занимали лютеранки и католички.

Особое внимание следует уделить возрасту призреваемых и их положению. Стоит отметить, что по основополагающим постановлениям он не был определен, поэтому при первом приеме в Москве встречались вдовы от 28 до 34 лет [29, л. 21–37 об.]. 6 октября 1803 г. Мария Федоровна распорядилась по обоим Опекунским советам принимать вдов от 40 лет, если они имеют детей, а бездетных не моложе 45 лет. По указу 1 января 1816 г. было предписано принимать на постоянное жительство вдов не моложе 60 лет. Пенсион по-прежнему назначался вдовам с детьми от 40 лет, а бездетным от 45. Исключение в 1822 г. было сделано лишь для сердобольных, возраст которых определялся от 40 до 50 лет. Положение вдов, ухаживающих за больными, а именно сердобольных и испытуемых, отличалось от положения остальных призреваемых.

По правилам 1803 г., каждая вдова должна была связать по три пары чулок, поощрялось участие вдов в присмотре за прачечной, столовой и кухней. Когда в 1803 г. почетный опекун Московского дома А.М. Лукин в письме к императрице посетовал, что многие призреваемые отказываются вязать, императрица ответила, что нужно занять их другим делом, лишь бы поддерживалось основное правило дома – не оставлять призреваемых в праздности [7, с. 8, 38–62]. Этому правилу отвечало учреждение института сердобольных. 29 декабря 1813 г. 16 вдов были назначены на дежурство в Мариинскую больницу для бедных в Петербурге [15,

л. 1–3 об., 4–47]. 8 марта 1815 г. вышел указ Марии Федоровны об учреждении разряда сердобольных вдов, состоявший из 16 сердобольных и 24 испытуемых. 12 марта прошло первое посвящение испытуемых в это звание, на котором присутствовала императрица. 12 декабря 1818 г. такое же посвящение 12 вдов прошло в Московском доме. Отныне каждые две недели в Мариинскую больницу для бедных назначались по 8 вдов. За это дежурство каждая вдова получала по 5 руб., пищу и чай от больницы. В ее обязанности входило: раздача пищи, питья, лекарств, надзор за чистотой в палатах. Сначала вдовы принимались на опыт на один год. Если испытуемая не могла выполнить своих обязанностей, то она исключалась из дома. При посвящении в сердобольные вдова произносила присягу, ей вручался золотой крест на зеленой ленте с надписью «всех скорбящих радость» на одной стороне, а на другой «сердобольие». Вдовы носили отличную от других одежду (коричневого цвета). На их содержание полагалось по 500 руб. асс. из общих доходов воспитательного дома. К 1826 г. их содержание достигло 550 руб. в год, а капитал возрос до 516 752 руб., процентов с которого получалось 29 716 руб. Также вдовы назначались для ухода за больными в частных домах, но находиться там могли не более шести недель. Так, в 1820 г. главный врач Мариинской больницы порекомендовал в дом князя Долгорукова сердобольную Агапову, которая получила за свои труды 50 руб.; вдову Ситкову в дом действительной тайной советницы Козадавленной (10 руб.), вдову Коротаеву в дом графини Головиной (выдано 25 руб. асс.) В том же году для хождения за больными в частных домах было назначено еще пять вдов [27, л. 1–17]. Таким образом, работа в частных домах сулила больше выгод, чем дежурство в больнице, поэтому вдовы получали это право только после годовой больницы службы в этом разряде. Тем не менее, в сердобольные шли неохотно. Несмотря на то, что комплект был рассчитан на 50 человек, к 1827 г. сердобольных насчитывалось 27 и 11 испытуемых. 21 марта 1827 г. было разрешено принимать в число испытуемых вдов, чьи мужья прослужили в офицерском чине не 10, а 5 лет. Также назначено производить сердобольным награждение: прослужившим 10 лет по 150 руб. асс, прибавляя за каждые 5 лет по 50 руб., так, что прослужившая 25 лет пользовалась двойным награждением, т.е. 300 руб. в год. Выйдя из сердобольия после 10 или 15 лет, вдова удерживала 2/3 вознаграждения, после 20–25 лет получала его полностью. По учреждению Мариинского знака отличия 14 октября 1828 г. право на его получение распространялось и на сердобольных. Та-

ким образом, расширение привилегий сердобольных послужило стимулом к вступлению в это звание. В 1835 г. сердобольных насчитывалось уже 43 [14, л. 101]. Постановлением 20 октября 1851 г. разрешено назначать дочерей сердобольных вдов обер-офицеров от майора до надворного советника в Екатерининские училища, от капитана или коллежского асессора – в Александровские училища, дочерей офицеров – в сиротские институты воспитательного дома.

Настоящим их подвигом следует назвать работу в военных госпиталях в период Крымской войны 1853–1856 гг. В ноябре 1854 г. из Москвы в Симферополь были отправлены 32 вдовы Московского и 31 Санкт-Петербургского дома в сопровождении полицеймейстера Геракова. Все они были подчинены общей начальнице, пансионерке вдовьего дома в Петербурге, Надежде Петровне Распоповой. Согласно инструкции, начальнице сердобольных вменялся широкий круг обязанностей: надзор за вдовами, распределение их по госпиталям, управление хозяйственной частью (еженедельная отчетность перед домом о поведении вдов и расходе сумм, находившихся в ее распоряжении) [17, л. 43–45, 233–233 об.]. 28 декабря вдовы были доставлены и размещены в Странноприимном доме Таранова-Белозерова. На их первоначальное устройство было отпущено 25 руб. каждой и по 15 руб. ежемесячного жалованья (начальнице соответственно по 150 и 50 руб.) В 1855 г. императрица Александра Федоровна повелела отправить еще 14 сердобольных Петербургского и 11 Московского дома, а также 10 сестер милосердия Никольской общины в Москве. В мае 1856 г. по просьбе командующего южной армией генерал-адъютанта Лидерса в Киев и Одессу был отправлен третий отряд вдов: 10 из Петербургского, 8 из Московского дома и 6 сестер милосердия Никольской общины. Сопровождал их бухгалтер Петербургского вдовьего дома Брокгаузен. Примечательно, что сестры милосердия были также удостоены знака отличия сердобольных вдов и причислены к этому разряду: золотого креста на зеленой ленте. Всего в военных госпиталях работали 106 вдов, 20 из которых умерли. Службу некоторых из них отмечала Н.П. Распопова: Екатерины Шепелевой, Пелагеи Мартыновой, Васильевой, Марии Кузнецовой и Камиллы Гуниной. Однако у начальства дома присутствовали сомнения в честности самой Н.П. Распоповой, так как ею не были предоставлены оправдательные документы о расходе средств (всего было израсходовано 83 905 руб., в том числе 49 605 руб. на содержание вдов и 10 572 руб. на их награждение) [18, л. 45]. Но, как отмечала в своих мемуарах

68 | ее дочь Нина Распопова, хищения со стороны начальницы сирдобольных в Крыму были маловероятны. Умерла Н.П. Распопова в крайней бедности.

Вот как описывал подвиг сирдобольных в Крыму заведующий медицинской частью профессор Н.И. Пирогов в письме от 24 ноября 1855 г. статс-секретарю А.Г. Гофману: «сирдобольные вдовы прибыли год тому назад в Симферополь в самое трудное и критическое время. Госпитали, еще едва организованные в различных заведениях и частных домах города, были переполнены больными и ранеными. <...> В эту критическую минуту сирдобольные заступили в госпиталих по сделанному мной распоряжению, вместо сестер, и принялись ревностно за дело, – разместились по госпитальным домам, заняли квартиры возле самых больных, занялись, по возможности, сортированием больных, перевязкой раненых, перемной белья, раздачей теплого белья, которое для транспортированных, привозимых с позиции, охолодевших от сырости и стужи, было не только необходимо, но даже почти условием жизни. <...> Сестры Крестовоздвиженской общины действовали в это время под Севастополем, а в Симферопольских госпиталях оставались постоянно сирдобольные. Они имели на руках 7–13 тыс. больных».

Подвиги вдов в Крыму не были забыты. В своем рескрипте 30 августа 1856 г. императрица Александра Федоровна предписала производить начальнице пенсию по 300 руб. в год с выдачей единовременно 1000 руб. и золотой медали. Остальным вдовам выдать по одной серебряной медали и по 10 руб. за каждый месяц служения в госпиталях. Сиротам вдов, умерших в Крыму, определить по 100 руб. с сохранением этих денег в кредитных учреждениях.

В середине 50-х гг. XIX в. в Санкт-Петербургском вдовьем доме насчитывалось 69 сирдобольных. На пике своего развития составлялись различные проекты по большей применимости их труда. Первым выразил инициативу генерал-адъютант А.Н. Лидерс, предложив почетному опекуну дома направлять вдов во все военные госпитали, в том числе 10 сирдобольных в первый Сухопутный госпиталь в Санкт-Петербурге. Журналом Опекунского совета 28 марта 1857 г. было постановлено отправлять по 6 и 2 вдовы на двухнедельное дежурство в больницы: Обуховскую и Св. Марии Магдалины. Также их труд был востребован в частных домах.

В условиях большого спроса на услуги сирдобольных во второй половине XIX в. почетному опекуну Вдовьего дома в Петербурге Александру Григорьевичу Евреинову

было поручено составить новый устав дома. Ознакомившись с уставами общин сестер милосердия, он предложил создать «Маринское отделение сестер сирдобольных», в которое предполагалось включать не только вдов чиновников, но и их дочерей в возрасте от 24 до 35 лет. Но по значимости затрат на учреждение этого отделения (15 730 руб.) Опекунский совет отклонил этот проект. Стоит отметить, что это предложение было не ново. В 1838 г. почетный опекун Иван Дмитриевич Чертков предложил также набирать в число испытуемых вдов моложе 35 лет, но тогда Опекунский совет также отклонил это предложение [25, л. 46]. Предложения А.Г. Евреинова вошли в новый устав учреждения 24 апреля 1876 г. [8, с. 360–369]. По нему, на 170 вакансий (из 245) принимались престарелые вдовы не моложе 60 лет. По п. 2. комплект сирдобольных был определен в 60 человек и 15 испытуемых. При этом, предполагалось кроме самих вдов набирать и их дочерей от 20 до 35 лет, которые должны были быть «грамотные, здорового телосложения и признающие себя, по званию, способными к уходу за больными». Преимущество при приеме отдавалось получившим специальное образование в фельдшерских классах и учебных заведениях не ниже прогимназий. Хотя С.К. Знаменский замечал, что это уже был третий нестрогий набор, однако прием 1876 г. оказался самым жизнеспособным с истории вдовьего дома. Сирдобольные, набранные в 1876–1882 гг., продолжали исполнять свои обязанности вплоть до 1904 г., когда их насчитывалось 14 [24, л. 5–6 об.]. Некоторые из них, такие как Христина Попова, София Филоматицкая, Елена Бокова и Мина фон Эссен в марте 1904 г. добровольно отправились в звании сестер милосердия Красного креста на Дальний Восток для оказания помощи воинам [23, л. 9]. В 80-х гг. начался постепенный упадок института сирдобольных. Одной из причин было упразднение льгот детям сирдобольных. Теперь их разрешалось помещать в сиротские заведения воспитательного дома, но с условием, что их мать прослужит в звании сирдобольной десять лет, в противном случае она и ребенок подлежали высылению полицией. В январе 1882 г. соединенное собрание Опекунского совета поставило вопрос о замене сирдобольных вдов сестрами милосердия [21, л. 1–4]. Главными причинами назывались отсталость, примитивный подход к уходу за больными. Однако почетный опекун Московского дома Алексей Николаевич Ламздорф утверждал, что 75% вдов через три месяца дежурства в больницах «могут самостоятельно действовать как фельдшера. По заключению почетного опекуна, «фель-

дшерицы и сестры милосердия исполняют обязанности по профессии, а сердобольные вдовы – по присяге и завету». Был солидарен с ним и почетный опекун Санкт-Петербургского вдовьего дома, Помпей Николаевич Батюшков. В 1886 г. начала работу комиссия под его председательством, которая должна была выработать меры по замене сердобольных в Мариинской больнице сестрами милосердия. В том же году дежурство вдов в больнице было упразднено. С 1887 г. был прекращен прием лиц в разряд испытываемых. Противоречия в данном вопросе отразил устав 25 апреля 1892 г. Он установил общий приемный возраст для вдов от 60 и для девиц от 50 лет [9, с. 269–276]. 75 бесплатных вакансий упразднялись (вместо них открывались места для своекоштных пансионеров), а вместе с ними и институт сердобольных (п. 34). Однако по пп. 35–44 вдовы могли принимать участие в уходе за больными и носить крест сердоболья, но уже не пользовались льготами. По Московскому вдовьему дому этот разряд не был упразднен, но, по словам автора краткого очерка С.Н. Лампеко, «стоял на очереди». К 1903 г. там находилось 56 сердобольных и 11 испытываемых, в Петербурге – 24. На дальнейшее развитие помощи вдов в деле попечения о больных указывает тот факт, что в феврале 1893 г. земство запросило десять вдов в местности, пораженные холерой (к тому моменту насчитывалось 56 сердобольных) [22, л. 1]. И этот случай был не единичен. В декабре 1904 г. почетный опекун Вдовьего дома Сергей Ильич Палтов выступил с инициативой повторного учреждения этого разряда исключительно для лазаретов дома и частных домов. В своем письме, адресованном Опекунскому совету, он обращал внимание на неприемлемые условия, которые предъявляют общины сестер милосердия, требуя значительную плату за свои труды. Так, служба 25 сердобольных вдов стоила 3480 руб., тогда как за девять сестер милосердия дому пришлось бы заплатить 9500 руб. (договор с общиной М.П. Кауфмана). Ситуация осложнялась условиями военного времени и нехваткой медицинского персонала. Для решения данного вопроса была учреждена комиссия под председательством почетного опекуна, управляющего Петербургским вдовьим домом. По итогам работы комиссии были выработаны временные правила 21 мая 1908 г. Эти правила по своим основополагающим пунктам напоминали проект А.Г. Евреинова и устав 1876 г. По ним учреждались 25 бесплатных вакансий, на которые поступали вдовы и девицы от 25 до 40 лет, преимущественно получившие медицинское образование. Для них велось препода-

вание в Мариинской больнице. Пробывшие в этом звании 10 лет получали ежегодное награждение по 45 руб., которое через каждые 5 лет увеличивалось на 15 руб. В августе 1910 г. штат сердобольных был сокращен до 10 вакансий. На тот момент в лазарете дома и частных домах трудились 7 сердобольных, 2 испытываемых и 6 вольнонаемных фельдшерниц. К началу XX в. вдовы старательно и самоотверженно трудились как в мирное время, так и в условиях войны. В 1917 г. 12 вдов Московского дома направили коллективную просьбу к главному управляющему Е.П. Ковалевскому о позволении им дежурить в Мариинской больнице за плату в 50 руб. в месяц с возвращением ранее упраздненных льгот [20, л. 1–3]. Также они просили автономного управления без вмешательства в их служебные отношения настоятельницы и доктора, которые, по словам призреваемых, не имели ни малейшего понятия о традиции сердоболья при доме. Это обстоятельство доказывает оформление этого института в самостоятельную организацию внутри дома. С августа 1914 по сентябрь 1915 гг. вдовы оказывали помощь 4526 раненым воинам, размещенным в госпитале Московского дома [3, л. 1 об.]. История института сердобольных показывает, что к этому призванию вдовы приступали еще молодыми (от 20 до 45 лет), но служили в звании в среднем по 25 лет. Этому способствовали предоставленные им льготы (отпуск в частные дома на заработки, привилегии при поступлении в учебные заведения для их детей, награждения), а также отвечало основной цели вдовьего дома – не оставлять призреваемых в праздности.

Таким образом, Санкт-Петербургский вдовый дом являлся значительным заведением в системе Мариинского ведомства, ведавшего заботой о престарелых вдовах и девицах. В нем призревались такие видные для своего времени представительницы культуры, как Е. Дитрихс, сестры Новосильцевы, княжны Амонес, Долгина, Стефан, В.П. Чисагова, Пацевичи, Ленина, Н. Михайлова, Скорино, Языковы, баронесса Зальца, Бек, Ломан, Клейгельс, С. Глахова. В Смольном выросли генерал Хвалынский, Федоров, Орловский, Гольмсдорф, барон Дитрихс. Особо следует отметить подвиг сердобольных вдов, служивших в госпиталях, как в мирное время, так и в период Крымской и Русско-японской войны.

Изучение деятельности Санкт-Петербургского вдовьего дома позволяет сделать следующие выводы:

Вдовый дом являлся сословным учреждением, призванным призрывать вдов военных и гражданских чинов, находящихся в бедственном положении. Первоначально

70 | возрастной ценз для призреваемых не был установлен, но по мере увеличения их числа последовали определенные указы по данному вопросу.

Ядром дома стал институт сердобольных, который в бедственные ситуации пе-

риода войн и социальных потрясений смог организовать работу дома, тем более, что по указу 18 января 1831 г. на должность настоятельницы избирались женщины не из среды вдов, что не могло служить укреплению доверия к настоятельницам.

Список литературы:

- [1] Всеподданнейший отчет по Ведомству учреждений императрицы Марии за 1903 год. – СПб.: Типография В. Д. Смирнова, 1907. – 496 с.
- [2] Всеподданнейший отчет по Ведомству учреждений императрицы Марии за 1913 год. – СПб.: Типография В. Д. Смирнова, 1915. – 101 с.
- [3] ГАРФ. – Ф. 642. Оп. 1. Д. 310. Доклад управляющего Московским вдовьим домом С. Б. Мещерского императрице Марии Федоровне. – 10 л.
- [4] Жерихина Е.И. Смольный: История зданий и учреждений. – СПб.: Лики России, 2002. – 223 с.
- [5] Знаменский С. К. Санкт-Петербургский Вдовый дом с филантропическими отделениями (1803–1903). – СПб.: Товарищество Р. Голике, 1903. – 129 с.
- [6] Краткий очерк Санкт-Петербургских градских богаделен за сто лет их существования (1781–1881). – СПб.: Типолиитография Дома призрения малолетних бедных, 1881. – 99 с.
- [7] Лампеко С. Н. Московский вдовый дом: Краткий исторический очерк (1803–1903). – СПб.: Типолиитография И. Г. Чукина, 1903. – 64 с.
- [8] ПСЗ II. Т. LI. №55832. – С. 360–369.
- [9] ПСЗ III. Т. XII. №8532. – С. 269–276.
- [10] РГИА. – Ф. 758. Оп. 6. Д. 1042. 50 л.
- [11] РГИА. – Ф. 758. Оп. 6. Д. 1043. 193 л.
- [12] РГИА. – Ф. 758. Оп. 6. Д. 1044. 58 л.
- [13] РГИА. – Ф. 758. Оп. 13. Д. 88. 96 л.
- [14] РГИА. – Ф. 758. Оп. 13. Д. 97. 120 л.
- [15] РГИА. – Ф. 758. Оп. 13. Д. 123. 76 л.
- [16] РГИА. – Ф. 758. Оп. 13. Д. 126. 51 л.
- [17] РГИА. – Ф. 758. Оп. 13. Д. 160. 246 л.
- [18] РГИА. – Ф. 758. Оп. 13. Д. 162. 172 л.
- [19] РГИА. – Ф. 758. Оп. 13. Д. 170. 143 л.
- [20] РГИА. – Ф. 759. Оп. 27. Д. 2328. 3 л.
- [21] РГИА. – Ф. 759. Оп. 33. Д. 1404. 12 л.
- [22] РГИА. – Ф. 759. Оп. 34. Д. 307. 7 л.
- [23] РГИА. – Ф. 759. Оп. 35. Д. 488. 19 л.
- [24] РГИА. – Ф. 759. Оп. 36. Д. 33. 121 л.
- [25] РГИА. – Ф. 759. Оп. 8. Кн. 38. 440 л.
- [26] РГИА. – Ф. 759. Оп. 8. Кн. 58. 55 л.
- [27] РГИА. – Ф. 759. Оп. 94. Д. 347. 17 л.
- [28] РГИА. – Ф. 759. Оп. 97. Д. 15. 43 л.
- [29] РГИА. – Ф. 759. Оп. 97. Д. 18. 81 л.
- [30] Сборник сведений о благотворительности за 1889 год. – СПб.: Гор. общ. упр., 1891. – 37 с.
- [31] Справочник о благотворительных учреждениях, действующих в г. Санкт-Петербурге. – СПб.: Гор. общ. упр., 1913. – 63 с.